

Сидя на краю кровати, ИХань вытянул палец. Его палец завис над отчетливыми темными кругами под глазами ЦзинЮаня, и медленно заскользил над ними, воздух продолжал разделять их от соприкосновения.

— Если бы ты действительно отпустил меня, я был бы опустошен до смерти. Ты... — тихо пробормотал ИХань. — Я поверю тебе еще раз. Если ты еще раз посмеешь мне солгать, я тебя по-настоящему возненавижу.

ИХань помолчал. После недолгого колебания он продолжил:

— Если ты поскорее поправишься, я ... Я соглашусь на все, что ты захочешь. Если ты злишься, что я тебе не доверяю, я позволю тебе выплеснуть свой гнев на меня. Я обещаю, что не буду сопротивляться или возражать. Ладно? — Сказав это, он медленно обвил пальцами кончики пальцев ЦзинЮаня. Ощущение его тепла дало ему чувство, что зияющая дыра в его сердце вновь заполнилась, и в его сердце вновь течет горячая кровь, а не ледяной ветер.

ИХань тихонько вздохнул. В этот самый момент его тело казалось легким, как перышко. Как будто с его спины сняли тяжелый гигантский валун. ИХань наклонился и поцеловал пальцы ЦзинЮаня, а затем опустился на край кровати.

Затем голосом таким тихим, что он почти сливался с окружающим шумом комнаты, ИХань прошептал:

— Поскольку ты говоришь, что ты без сомнений любишь меня, ты все еще мой. Я дал тебе шанс, желая освободить тебя, а ты отказался. Теперь это не моя вина. Я буду беспокоить тебя всю оставшуюся жизнь. У тебя больше нет ни шанса на побег.

— ЦзинЮань, я решил больше тебя не отпускать. Последние несколько недель были настоящей пыткой, а я тогда даже не покидал тебя. Если бы я действительно ушел от тебя, боль была бы хуже смерти. Даже если ты действительно лжешь мне, я не отпущу тебя. Мне все равно, если это эгоистично. Я все равно не хочу тебя бросать. Я хочу рискнуть. Даже если меня разорвут на куски и разобьют мне вдребезги кости, я обязательно продолжу цепляться за тебя до самого конца. ЦзинЮань, ты такой хороший, как ты можешь любить меня, порочного, эгоистичного и морально испорченного дурака? Ты любишь меня, но это действительно похоже на слова моей матери - ты цветок, украсивший коровий навоз. Ты хорош во всем, но у тебя слишком плохое зрение. Посмотри, я так дурно пахну, что ты больше никого не видишь.

ИХань тихонько хихикнул, когда его пальцы заскребли по одеялу ЦзинЮаня.

— Но не волнуйся. Теперь мне гораздо лучше. Я тупой. Меня легко одурачить и использовать как оружие против моих близких. Я не смогу добиться высот или хотя бы принести пользу, но, по крайней мере, я могу быть хорошим ребенком. С этого момента я расскажу тебе все. Ты умный. Я послушно сделаю все, что скажешь. Тогда я не совершу ошибок. Послушай, разве я не исправил все после того, как вернулся? Я еще не стал причиной инцидента. Эх, — со вздохом продолжил он, — ЦзинЮань, в прошлой жизни я, должно быть, спас мир. Иначе с чего

бы тебе в меня влюбляться? Мне так повезло.

ИХань некоторое время лежал, накрыв холодные руки ЦзинЮаня своими.

— Но я не могу рассказать тебе всего, — внезапно прошептал он, — Есть по крайней мере один вопрос, о котором я никогда не смогу тебе рассказать. На самом деле, иногда я думаю, если ты любишь меня, то, возможно, не стану тебе отвратителен, даже если узнаешь о моем прошлом, верно? Но я все равно не могу этого сказать. Я хотел, чтобы ты продолжал думать обо мне как о чистом и непорочном. Это будет единственное, что я буду держать в секрете от тебя. Я унесу это с собой в могилу. Никто никогда не узнает, особенно ты.

ИХань уже собирался заснуть, когда услышал тихий стук в дверь. Испугавшись, что стук может разбудить ЦзинЮаня после того, как тот наконец уснул, ИХань поспешно поднялся и подойдя к двери открыл ее. Это оказался Чэнь Хун. Мужчина держал в руках кипу документов. Он уже собирался что-то сказать, когда ИХань поднес палец к губам, призывая его замолчать. Чэнь Хун быстро понял намек и замолчал, а затем отступил.

ИХань снова взглянул на кровать. ЦзинЮань все еще спал, не выказывая никаких признаков беспокойства. Вздохнув с облегчением, ИХань вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

Когда двое мужчин спустились в гостиную, ИХань бросил взгляд на стопку бумаг в руках Чэнь Хуна и спросил:

— Пришел доставить ЦзинЮаню некоторые документы?

— Верно, — кивнул Чэнь Хун. — Президент Му спит?

— Да, — ответил ИХань. — Он только что заснул. Наконец-то полноценный, спокойный сон. Оставь документы на столе. Я передам их ему, как только он проснется.

— Хорошо, — сказал Чэнь Хун, и присаживаясь положил кипу бумаг на кофейный столик в гостиной. Быстро взглянув на лицо ИХаня, Чэнь Хун улыбнулся и спросил, — Лед между вами наконец-то сломан? Тогда Президенту Му скоро полегчает.

— Откуда ты знаешь, что мы поссорились? — спросил ИХань, приподняв бровь.

— Я много лет работал под началом Президента Му, — усмехнулся Чэнь Хун. — Хотя я не могу утверждать, что понимаю каждое его движение или выражение лица, я понимаю, по крайней мере, половину из них. На самом деле он человек, который не выставляет своих эмоций на показ. Единственное, что может заставить его эмоции проявиться – это все, что связано с тобой, Младший Мастер Бай. Некоторое время назад он вдруг начал выглядеть подавленным. Я предполагаю, что это должно быть из-за проблем в ваших с ним отношениях.

— О? Похоже ты хорошо осведомлен о происходящем между нами, — сказал ИХань.

Нет, нет, — подняв руку, Чэнь Хун отрицательно помахал ею перед собой, — Президент Му редко дает кому-либо знать о происходящем в вашей с ним личной жизни. Однако он любит тебя уже много лет. Следовательно, я могу сделать несколько предположений, основанных на его эмоциях и действиях.

— Любит меня несколько лет? — спокойно спросил ИХань, и кулак на его колене, крепко стиснутый им, — Ты преувеличиваешь, да?

— Вовсе нет, — снова усмехнулся Чэнь Хун. — Прошло уже много лет. Пока это касается тебя, он будет уделять этому первостепенное внимание, независимо от того, насколько тривиален вопрос. Пока это звонок от тебя, он немедленно ответит на него. Независимо от времени суток, даже во время деловых встреч. Он может даже повесить трубку, просто чтобы ответить на твой звонок. Даже если ты позвонил со скуки просто поболтать, он обязательно дождетя пока ты закончишь звонок, и только затем вернется к делам. Когда эта привычка только зародилась, в компании имелось много людей очень недовольных этим. Они считали, что он недостаточно строг и слишком небрежен в своей работе. Они говорили, что ты серьезно влияешь на трудовую этику Президента Му. Некоторые заинтересованные пытались критиковать его за эту привычку. Однако Президент Му обратился прямо ко всем руководителям компании и сказал: "Он - самый важный человек в моей жизни. Если у кого-то из вас есть мнение по этому поводу, вам лучше проглотить эти слова обратно и держать их при себе. Если я услышу хоть одно отрицательное слово о нем, мне все равно, кто это будет, но этому человеку лучше быть готовым собрать свои вещи и покинуть компанию."

— Именно так и сказал. Это случилось, хм, года три-четыре назад. Все, кто так долго работал в компании, знают об этом. Люди говорят, что он просто бро-кон, раб своего младшего брата, но те из нас, кто работал в непосредственной близости к нему, все знали, что он не раб, а просто влюбленный мужчина. Из-за того, что раньше это не было любовью, высказанной вслух, никто не осмеливался озвучить это.

— Одно время, когда ты с Президентом Му приходили в офис вместе. Пока ты там, единственным подходящим описанием для Президента Му будет "влюбленный". Но если бы был день, когда тебя не было рядом? Хех. Прости мое неуважение, но он как будто заледенел ... гм ... как будто он покрыт инеем. Он источал сильную ауру беспомощности. Теперь все в офисе знают, что если Младший Мастер Бай дома, то даже допустив маленькую ошибку, это будет неважно. Все потому, что Президент Му в хорошем настроении, а когда он в хорошем настроении то он гораздо более терпим.

Чэнь Хун снова рассмеялся и продолжил:

— Есть кое-что, о чем Третий Молодой Мастер не знает. На стойке регистрации была секретарша, которой ты очень нравился. Всякий раз, когда ты приходил в компанию, взгляд молодой девушки следовал за тобой не отрываясь, пока двери лифта за тобой не закрывались. После того, как это случилось во второй раз, ее уволили. Это был личный приказ Президента Му. С тех пор, когда бы ты ни появлялся в офисе, никто больше не осмеливается на тебя

смотреть. И не имеет значения, мужчины они, или женщины, старые или молодые. Хаха. Если бы это было возможно, его ревность могла бы распространиться за тридевять земель. Ладно, надеюсь, ты сможешь сохранить в тайне эту нашу небольшую беседу. Боюсь, в противном случае моя работа может оказаться под угрозой.

Конечно, для Чэнь Хуна говорить, что его работа окажется под угрозой, это преувеличение. Он уже много лет служит ЦзинЮаню верой и правдой. Он предан, насколько это возможно, и он самая доверенная, самая способная правая рука ЦзинЮаня. Он не стал бы его выгонять из-за чего-то столь тривиального. Тем не менее, не исключено, что его отстранят от работы на несколько дней или сократят зарплату. Это потому, что Му ЦзинЮань – воплощение ревности.

Проводив Чэнь Хуна, ИХань молча вернулся в комнату ЦзинЮаня. Сидя у кровати, он тупо смотрел на его изможденное лицо, не отведя взгляда, даже когда дневной свет угас.

*****

Когда ЦзинЮань проснулся, наступила ночь. Комната была тускло освещена, ИХаня нигде не было видно. Капельница уже вытащили, и ему не было так жарко, как перед сном. После такого продолжительного нормального отдыха голова ЦзинЮаня уже не казалась такой тяжелой, как раньше, а тело стало намного легче. Он отбросил одеяло и встал. Не обращая внимания на тапочки у своих ног, он пошлепал босыми ногами по полу, направившись на поиски ИХаня. ЦзинЮань просто не чувствовал себя спокойно, если его не было в его поле зрения.

— ИХань, — тихо позвал ЦзинЮань охрипшим голосом.

Затем, услышав тихий ответ с дивана в комнате, ЦзинЮань быстро направился на звук. Его встретил вид сидящего на диване со скрещенными ногами ИХаня, и жующего яблоко. Обе его щеки выпирали, и он не прекращал жевать, напоминая при этом жадного хомячка. На кофейном столике перед ним лежали остатки съеденных ИХанем мандаринов.

— Ты голоден? — после облегченного вздоха спросил ЦзинЮань. — Почему ты не спустился вниз за едой? Чтобы наполнить желудок, фруктов недостаточно.

Оглядев его с головы до ног, ИХань нахмурился.

— Почему ты не надел тапочки? Что, если ты снова простудишься?

Вместо ответа, ЦзинЮань сел рядом с ИХанем. Он тоже положил ноги на диван, и подогнув ноги, он откинулся на спинку. Затем из его горла вырвался кашель.

Проглотив яблоко во рту, ИХань коснулся рукой лба ЦзинЮаня, после чего напряжение на лице у него ослабло, и он облегченно вздохнул:

— Наконец-то ты перестал гореть. Ты напугал меня до смерти.

А затем брови ИХаня снова сошлись в хмуром выражении.

— Скажи мне, — продолжал он, вздернув подбородок. — Лихорадка вернулась в полную силу, потому что сегодня утром ты тоже решил ходить босиком? Ты ведь сидел на полу, либо уснул на нем или опять выскочил на холод после душа?

— Я уже не ребенок, зачем мне так поступать? — запротестовал ЦзинЮань. Все это время я сидел на кровати. (Ты начал с того, что сидел на кровати, но забыл о том, как соскользнул вниз и сел на пол?)

— Ты точно не ребенок? — спросил ИХань, поднявшись на ноги он принес плед, а затем накрыл его им. — Забыл с чего началась эта лихорадка? Кто был тем, кто принял душ и пол ночи простоял на продуваемом ветром балконе с мокрыми волосами? И кто именно проболел почти целый месяц после этого?

— Я просто выкурил сигарету, — возразил ЦзинЮань. — Не хотел тревожить ебя дымом...

— Ты выкурил сигарету? А может целую пачку? — спросил ИХань. — Пепельница была практически переполнена.

ЦзинЮань поджал губы и ничего не сказал.

ИХань подошел к кровати и вернулся с тапочками ЦзинЮаня. Затем опустился на колени перед ЦзинЮанем и скомандовал:

— Ноги.

ЦзинЮань в замешательстве посмотрел на него.

Приподняв руки, ИХань показал тапочки в руках.

— Надень тапочки. Я голоден. Пойдем поедим. Ты тоже целый день ничего не ел. Я попросил Тетю Лю приготовить немного рисового отвара. Тебе нужно поесть хоть немного, чтобы согреть желудок.

ЦзинЮань распрямил ноги и опустил их вниз. ИХань сунул его ноги в тапочки, и поднявшись схватил толстый халат.

— Давай, надевай и пойдем, — сказал ИХань, подавая ему халат.

ЦзинЮань снова поджал нижнюю губу, молча накинул халат и следуя за ИХанем спустился вниз.

Увидев спускающихся мужчин, Тетя Лю быстро и осторожно налила полную миску отвара с зеленью и вынесла его из кухни.

— Идите скорее, Господин Му, — с улыбкой произнесла Тетя Лю, ставя миску на стол. — Младший Мастер Бай лично приготовил для вас этот овощной отвар! Он положил много разных овощей. Он очень питателен. Я все время держала его на медленном огне. Подходите попробовать! В конце концов, это знак любви Младшего Мастера Бай!

<http://bllate.org/book/15667/1402071>